

ИСТОРИЯ «ПРАВОЙ» ЦЕРКОВНОЙ ОППОЗИЦИИ («ИОСИФЛЯНСТВА») НА ГОМЕЛЬШИНЕ В 1928 – НАЧ. 1941 ГГ.

Александр Валерьевич
СЛЕСАРЕВ

Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 2004; Минская духовная академия, кандидат богословия — 2007; доцент Минской духовной академии — 2013.

Одной из наименее изученных страниц белорусской церковной истории XX ст. является деятельность «правой» церковной оппозиции, возникшей в конце 1920-х гг. по причине несогласия некоторых православных священнослужителей и мирян с общим курсом церковной политики, проводившимся Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) (1867-1944). Категорически отрицая всякую возможность компромисса с большевистским режимом, последователи «правой» церковной оппозиции пошли на разрыв с созданным митрополитом Сергием Временным Высшим Патриаршим Синодом, сохраняя каноническое подчинение Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) (1862-1937). Иными словами, произошедшее разделение не привело церковную оппозицию к окончательному отделению от полноты церковной. За свой отказ от богослужебного поминовения гражданской власти и имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя последователям «правой» церковной оппозиции было усвоено наименование «непоминающих». Наиболее знаковой фигурой во внутрицерковной оппозиции был митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) (1872-1937), идейные последователи которого именовались «иосифлянами». Систематические преследования и невозможность осуществления легальной религиозной деятельности в конечном итоге побудили оппозиционно настроенных православных христиан к организации своей религиозной жизни на началах жесткой конспирации. Изучение истории «правой» церковной оппозиции 1920-1930-х гг. на Гомельщине стало возможным благодаря работе со следственными материалами, находящимися на хранении в архиве Управления КГБ по Гомельской области. Важные

сведения относительно отдельных эпизодов изучаемой темы были выявлены в материалах Государственного архива Гомельской области, архива Минского епархиального управления и архива Гомельского епархиального управления.

Возникновение «правой» церковной оппозиции в пределах современной Гомельской области относится к июню 1928 г., когда клирики Гомельского викариатства Могилевской епархии протоиерей Павел Левашев и иеромонах Герасим (Каешко) вышли из юрисдикции Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). На момент разрыва отношений с высшей церковной властью протоиерей Павел являлся духовником Гомельского епархиального округа, а бывший насельник Киево-Михайловского Златоверхого монастыря иеромонах Герасим совершал приходское служение в д. Кобылянка Уваровичского района Гомельского округа. Побуждающим мотивом к переходу на сторону «непоминающих» для них явилось принципиальное несогласие с Декларацией 1927 г., в которой митрополит Сергий (Страгородский) заявил о полной лояльности Православной Церкви к советской власти. Встретив единомышленника в лице киевского протоиерея Димитрия Иванова (1883-1933), гомельские священнослужители получили от него совет перейти под омофор архиепископа Гдовского Димитрия (Любимова) (1857-1935), являвшегося викарием Петроградской епархии и фактическим руководителем наиболее крупной группы внутрицерковной оппозиции. Как известно, еще осенью 1927 г. управляющий Петроградской епархией митрополит Иосиф (Петровых) отказался от выполнения распоряжений Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, что дало импульс к возникновению мощного оппозиционного движения. Не имея возможности деятельно руководить своими сторонниками, митрополит Иосиф доверил широ-

кие архипастырские и административные полномочия архиепископу Димитрию (Любимову), который и принял в свое непосредственное ведение вышеназванных гомельских священнослужителей. Весьма примечательно, что пр*отоиерей Павел Левашев еще со студенческой скамьи мог быть лично знаком с самим митрополитом Иосифом (Петровых). Оба они обучались в Новгородской духовной семинарии приблизительно в одно время и то же время, правда будущий владыка занимался на два года старше и окончил семинарию в 1895 г., тогда как будущий гомельский протоиерей завершил свое образование в 1897 г.¹

Вскоре после официального перехода на сторону «иосифлянкой» оппозиции протоиерей Павел Левашев развил широкую деятельность по переводу в юрисдикцию архиепископа Димитрия (Любимова) православных приходов Гомельского округа БССР, добившись особенных успехов в Гомельском, Ветковском, Чечерском, Уваровичском, Буда-Кошелевском и Тереховском районах. На всех богослужениях, совершавшихся в «непоминающих» общинах Гомельщины, возносились имена Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), митрополита Петроградского Иосифа (Петровых) и архиепископа Гдовского Димитрия (Любимова). Весьма показательно, что на разрыв с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя пошли абсолютно все священнослужители, которые в 1922 г. категорически отказались подчиниться решению собрания духовенства и мирян Гомельского епархиального округа о переходе в обновленчество. Помимо протоиерея Павла Левашева, за шесть лет до присоединения к «правой» церковной оппозиции свое принципиальное нежелание поддержать «живоцерковный» раскол выразили священник Елисей Назаренко (с. Песочная Буда Тереховского района), священник Феодор Рафанович (село Шерстин Ветковского района) и гомельский городской диакон Антипа Злотников. Помимо

них, во второй половине 1928 г. на территории Гомельского округа к «иосифлянскому» движению примкнули иеромонах Антоний (Монин) (село Меркуловичи Рогачевского района), священник Феодор Семенов (местечко Уваровичи), священник Иоасаф Яценко (село Поповка Тереховского района), священник Василий Чепков (село Еремино Гомельского района) и диакон Антоний Прищепов (село Песочная Буда Тереховского района)².

В следующем 1929 г. архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов) по представлению местных приходских общин рукоположил во пресвитерский сан диакона Антипу Злотникова к Рождество-Богородичному храму с. Шерстин Ветковского района, бывшего насельника Могилевского Богоявленского Братского монастыря псаломщика Григория Сонейко к Свято-Петропавловскому храму с. Мальнички Чечерского района и псаломщика Феодора Поповича к Рождество-Богородичному храму с. Поколюбичи Гомельского района. В том же 1929 г. число «непоминающих» священнослужителей пополнили бывшие клирики Гомельской обновленческой епархии иеромонах Зосима (Павлов) и иеродиакон Иероним (Андрейко), принесшие покаяние в грехе раскола и получившие назначение на приходское служение в с. Новоселки и д. Кунторовка Ветковского района. Кроме того, к 1931 г. клирик Могилевской епархии иеромонах Валентин (Богданов) примкнул к «правой» церковной оппозиции, продолжив свое служение в с. Дубровки Тереховского района³.

Увеличение числа «непоминающих» священнослужителей имело своим естественным следствием значительную активизацию «иосифлянского» движения на Гомельщине. В течении нескольких месяцев после своего переезда в БССР иеромонах Анатолий (Иваненко) основал пять новых «непоминающих» общин в различ-

ных населенных пунктах Чечерского района. Более того, иеромонах Антоний установил тесные контакты с «иосифлянами» Могилевской области. Неоднократно в дни многодневных постов к нему на приход приезжали для говения бывшие насельники Буйничского Свято-Духова монастыря Могилевской епархии во главе с игуменьей Рафаилой (Задуговской), также пребывавшие на нелегальном положении. Имеются сведения и о том, что «непоминающие» монашествующие Могилевщины также регулярно посещали «иосифлянского» священника Григория Сонейко⁴.

К 1928 г. относится возникновение нелегальной монашеской общины, которую составили насельники закрытого властями Свято-Успенского женского монастыря⁵, располагавшегося в д. Чонки Гомельского района. Поселившись в нескольких частных домах г. Новобелица (ныне городской район Гомеля), монахини негласно сохраняли весь монастырский уклад жизни, включавший послушание игуменьи и неукоснительное соблюдение установленного молитвенного правила. Развитие оппозиционных настроений среди верующих Гомельского епархиального округа не обошло стороной и эту тайную обитель. Согласно сохранившимся архивным материалам, все бывшие насельники Чонковской обители уже в 1928 г. были разделены на группы «левашевцев» и «сергиевцев». К первой категории относились сторонники «правой» церковной оппозиции, объединенные вокруг протоиерея Павла Левашева. В числе «сергиевцев» оказались те инокини, которые не шли на открытый конфликт с высшей церковной властью и сохраняли церковно-каноническое единство с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Впоследствии «сергианскую» часть гомельской нелегальной монашеской общины духовно окормлял священник Фома Конашевич, расстрелянный в 1937 г.⁶

Весьма примечательно, что если церковно-административным центром для гомельских «непоминающих» был относительно далекий Ленинград, то в вопросе духовного руководства они ориентировались на Киев и Харьков, к чему во многом располагала географическая близость расстояния. Итогом тесного взаимодействия с украинскими «иосифлянами» стал переезд в 1928–1929 гг. на территорию Гомельского округа бывших насельников Киево-Михайловского Златоверхого монастыря иеромонахов Анатолия (Иваненко) и Феоктиста (Ганжи). Первый из них возглавил «непоминающие» общины в местечке Чечерск и деревне Глыбочица Чечерского района, а второй в селе Речки и деревне Хизова Гута Ветковского района Гомельского округа. Уже в 1930 г. иеромонах Феоктист (Ганжа) перешел под омофор проживавшего в Харькове епископа Старобельского Павла (Кратирова) (1871–1932), одного из наиболее авторитетных «непоминающих» иерархов Украины. Данное обстоятельство в определенной степени способствовало децентрализации «иосифлянского» движения на Гомельщине, внося разделение по принципу церковно-административного подчинения⁷.

С самого начала своего возникновения «правая» церковная оппозиция в пределах Гомельского епархиального округа была разделена также и по мировоззренческому принципу. Во главе наиболее многочисленной «непоминающей» группы стоял протоиерей Павел Левашев, с большой остороженностью относившийся к сторонникам священника Феодора Рафановича. Согласно официальному заключению ревизора Минской епархии священника Петра Бычковского, в 1950 г. изучавшего состояние движения «непоминающих» в Гомельской области, причина внутреннего разделения местных «иосифлян» коренилась в том, что «Рафанович стал приписывать себе большую ревность по сохранению чистоты Православия, а Левашев со своими при-

верженцами стали тогда уже говорить, что Рафанович впал в Ипрелесть, то есть слишком возомнил о себе, особенно после того, как подвергся преследованию гражданских властей по проискам обновленцев»⁸. Как выяснилось впоследствии, под «духовной прелестью» священника Феодора Рафановича подразумевалась его приверженность ригористическим воззрениям, сводившимся к отрицанию спасительной значимости таинств и священнодействий Московской Патриархии⁹. Таким образом, можно констатировать изначальную неоднородность «иосифлянского» движения на Гомельщине, порожденную мировоззренческими и церковно-юридическими противоречиями. Данное обстоятельство в значительной степени ослабляло и дезинтегрировало белорусских противников митрополита Сергия (Страгородского), препятствуя их объединению в организованную церковную структуру.

Важным шагом в процессе самоорганизации «непоминающих» Гомельщины была перепись сторонников «иосифлянства», проведенная в сентябре 1929 — феврале 1930 г. иеромонахом Зосимой (Павловым) по благословию проживавшего на покое в Кивее схиархиепископа Антония (Абашидзе). В результате тайного опроса верующего населения выяснилось, что в пределах Гомельского округа БССР насчитывалось 884 сторонника «правой» церковной оппозиции¹⁰. Можно предположить, что наличие столь значимого числа противников церковной линии Заместителя Патриаршего Местоблагодетеля могло в перспективе привести к формированию самостоятельной «иосифлянской» епархиальной структуры в данном белорусском регионе. Однако отсутствие идейного и юрисдикционно-канонического единства между местными «непоминающими» значительно затормозило этот процесс, а произошедшие в 1930–1932 гг. массовые осуждения сторонников «правой» церковной оппозиции окончательно уничтожили все предпосылки к такому развитию.

Зарождение церковной оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) хронологически совпало с проведением мероприятий по коллективизации сельского хозяйства, в ходе которых было подвергнуто репрессиям значительное число сельских священнослужителей, отнесенных к категории эксплуататоров. Вполне естественно, что последовательная антикоммунистическая позиция сторонников «иосифлянского» движения побудила их выступить с резкой критикой советской аграрной политики. Уже в 1930 г. Гомельский оперсектор ОГПУ инкриминировал местным последователям митрополита Иосифа (Петровых) «усиление контрреволюционной активности» и причастность к контрреволюционной организации «Истинно-Православная Церковь». Выдвижение данных обвинений привело к первому разгрому «иосифлянской» оппозиции на территории Гомельского округа, в результате чего протоиерей Павел Левашев и священник Феодор Рафанович были приговорены к высылке за пределы БССР, иеромонах Антоний (Монин) и священник Елисей Назаренко к 5 годам ИТЛ, иеромонах Зосима (Павлов) и иеродиакон Иероним (Андрейко) к 10 годам ИТЛ, а в отношении иеромонаха Герасима (Каешко) была применена «высшая мера социальной защиты» — расстрел¹¹.

Репрессии в отношении «непоминающих» священнослужителей продолжились и в 1931 г., когда священники Василий Чепков и Феодор Попович были арестованы по обвинению в антисоветской агитации и постановлениями Тройки при Полномочного Представительства ОГПУ по Белорусскому военному округу (ПП ОГПУ по БВО) были приговорены к 5 годам ИТЛ¹².

В середине 1932 г. Гомельский оперсектор ПП ОГПУ по БВО начал следственные мероприятия по делу «гомельского филиала контрреволюционной организации духовенства Истинно-Православная Церковь». В рамках данного судебного процесса к

уголовной ответственности было привлечено большинство оставшихся на свободе «непоминающих» священнослужителей и наиболее активных мирян Гомельщины. Началу нового группового уголовного дела предшествовал произведенный в 1931 г. арест «иосифлянского» священника Иосифа Яценко, которому удалось бежать из-под стражи и укрыться у своих последователей. Решением Особой Тройки при ПП ОГПУ по БВО от 23 сентября 1932 г. за антисоветскую деятельность, активное противодействие колхозному строительству, «использование своего положения в контрреволюционных целях» и «распространение провокационных слухов о скорой гибели СССР» иеромонах Анатолий (Иваненко), иеромонах Феоктист (Ганжа) и иеромонах Валентин (Богданов) были приговорены к 5 годам ИТЛ, священник Антипа Злотников, священник Григорий Сонейко, священник Феодор Семенов и диакон Антоний Прищепов к 3 годам ИТЛ. Помимо священнослужителей, в причастности к деятельности «гомельского филиала контрреволюционной организации духовенства Истинно-Православная Церковь» были обвинены одна монахиня и 22 мирянина, приговоренные к ссылкам и различным срокам заключения в ИТЛ¹³.

Преследование сторонников «правой» церковной оппозиции, произведенное во всеобщем масштабе в рамках уголовного дела «контрреволюционной организации духовенства Истинно-Православная Церковь», повлекло за собой практически полный разгром «иосифлянского» движения. Уже к 1933 г. «непоминающие» лишились всякой возможности открытого осуществления своей религиозной деятельности, что побудило их к переходу на нелегальное положение («уходу в катакомбы»)¹⁴.

В 1933-1934 гг. из заключения и ссылок вернулись на Гомельщину отбывшие наказание или освобожденные по болезни протоиерей Павел Левашев, священник Елисей

Назаренко, священник Антипа Злотников и священник Василий Чепков¹⁵. Их возвращение значительно активизировало жизнь «иосифлянских» общин. Однако, не имея возможности получить официальную регистрацию, дававшую право на легальное совершение религиозной деятельности, они были вынуждены осуществлять свое служение конспиративно. Сохранились сведения, согласно которым протоиерей Павел Левашев в 1933-1937 гг. регулярно посещал «иосифлянскую» приходскую общину деревни Урицкое Гомельского района. Следует отметить, до сих пор точно не установлено, когда жители Урицкого примкнули к «правой церковной оппозиции». Однако в архивных следственных материалах сохранилось беглое упоминание о том, что произошло это стараниями некоего священника, приехавшего в деревню Урицкое из деревни Шерстин Ветковского района и репрессированного в начале 1930-х гг. В силу данного обстоятельства последователи движения «иосифлян» в деревне Урицкое именовались «шерстинцами», а сторонники митрополита Сергия (Страгородского) по обыкновению были называемы «сергианами». Не вызывает сомнения то, что основателем группы «непоминающих» в Урицком был священник Антипа Злотников, в 1928-1932 гг. являвшийся настоятелем храма Рождества Божией Матери в деревне Шерстин Ветковского района. В середине 1930-х гг. церковная община «сергиан» деревни Урицкое, возглавляемая диаконом Исааком Ганжиным и старостой храма Е.Ф. Лелеховой, постоянно приглашала к себе гомельского священника Василия Саульского (1882-1937). Примечательно, что священник Василий с 1930 г. не имел официальной регистрации, дававшей право на легальное совершение богослужений. С правовой точки зрения его священнослужение в деревне Урицкое расценивалось как грубое нарушение советского религиозного законодательства. Таким образом, обе части приходской общины деревни Урицкое прибегали к нелегальному совер-

шению богослужений, что в перспективе предопределило их трагическую участь. В марте 1937 г. произошло присоединение «сергиан» деревни Урицкое к движению «непоминающих». Вполне вероятно, что к такому шагу их подтолкнуло разочарование в церковной политике митрополита Сергия (Страгородского), допускавшего определенный компромисс во взаимоотношениях с советской властью в надежде на сохранение церковной жизни от полного уничтожения. Не видя реальных выгод в позиции примирения с советским политическим строем и продолжая чреватое своими последствиями нелегальное совершение богослужений, «сергиане» деревни Урицкое приняли решение об объединении с местными «иосифлянами»¹⁶.

Непродолжительный период относительно спокойного, хотя и нелегального, существования «иосифлянских» общин Гомельщины закончился с началом новой волны политических репрессий, получившей наименование «Большого террора». В июле-августе 1937 г. Гомельский горотдел НКВД БССР провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек, выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников». Согласно официальной следственной версии, представители «правой» церковной оппозиции, обновленческого раскола и Московской Патриархии являлись членами единой антисоветской организации, использовавшей политический потенциал Церкви для подготовки свержения советской власти путем вооруженного восстания. В силу религиозно мотивированного неприятия советской власти гомельскими сторонниками «иосифлянского» движения им было усвоено наименование «правого монархического крыла гомельской контрреволюционной организации». Возглавление «правого монархического крыла» было приписано протоиерею Павлу Левашеву, который якобы осуществлял руководство подчиненного

ему филиала антисоветской организации при посредстве священников Антипы Злотникова и Елисея Назаренко. К участникам монархического подразделения «гомельской контрреволюционной организации церковников» были отнесены бывшие насельницы Чонского Свято-Успенского женского монастыря, а также члены приходского актива «непоминающих» общин дер. Еремино и Урицкое Гомельского района. Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР от 22 августа 1937 г. священник Антипа Злотников был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. По прошествии двух месяцев, 30 октября 1937 г. Особая Тройка НКВД БССР вынесла постановление о расстреле протоиерея Павла Левашева, священника Елисея Назаренко и председателя «иосифлянской» общины села Урицкое Е.Ф. Лелеховой. Приговор был приведен в исполнение 1 ноября того же года. Другие последователи «правой» церковной оппозиции, в числе которых оказались диакон Исаак Ганжин, шесть монахинь, одна послушница и четыре мирянина, были приговорены к 10 годам ИТЛ¹⁷.

Помимо осуждения «непоминающих» в рамках групповых уголовных дел, органы НКВД БССР осуществляли преследование «иосифлянских» священнослужителей в индивидуальном порядке. Так, в мае 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже был арестован проживавший в с. Бобовичи Гомельского района священник Василий Чепков. Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 21.09.1938 приговорен к высшей мере наказания¹⁸.

Политика массовых репрессий, проводившаяся в годы «Большого террора» (1937–1938), привела к полному уничтожению организованной церковной жизни на Гомельщине. Широкомасштабные аресты православного духовенства порождали процессы повсеместного закрытия храмов и юридической ликвидации приходских об-

щин. В 1939 — нач. 1941 гг. на территории Гомельской области не оставалось ни одного действующего храма и ни одного официально зарегистрированного православного священнослужителя, имевшего возможность открыто заниматься религиозной деятельностью.

Кроме того, в 1939 г. вернулся из заключения «непоминающий» священник Федор Рафанович, нелегально поселившийся в одной из деревень Ветковского района Гомельской области и во избежание очередного ареста соблюдавший условия конспирации¹⁹.

Изучение истории «иосифлянского» движения на Гомельщине в первой половине 1940-х гг. представляется весьма затруднительным ввиду практически полного отсутствия необходимой документальной информации. С уверенностью можно утверждать лишь то, что незадолго до начала немецкой оккупации на Гомельщину вернулись из ссылки «непоминающие» иеромонахи Антоний (Монин) и Феоктист (Ганжа). Поселившись в деревне Причалесня Чечерского района Гомельской области, иеромонах Антоний нелегально возглавил местную «иосифлянскую» общину, основанную на рубеже 1920–1930-х гг. «непоминающим» иеромонахом Анатолием (Иваненко). Сохранившийся в материалах уголовного дела «гомельского филиала контрреволюционной организации духовенства Истинно-Православная Церковь» (1932) фрагмент переписки названных священнослужителей свидетельствует о существовании между ними добрых и доверительных отношений²⁰. Вполне вероятно, что оставшийся в заключении или ссылке иеромонах Анатолий (Иваненко) мог поручить иеромонаху Антонию (Монину) духовное руководство своей паствой.

С началом немецкой оккупации южные районы Гомельской области вошли в пределы рейхскомиссариата «Украина», а все

остальные территории пребывали в области армейского тыла и управлялись штабом группы армий «Центр». В силу особенностей германской религиозной политики «непоминающее» духовенство Гомельщины обрело возможность возвращения к легальному приходскому служению. В конце лета или начале осени 1941 г. иеромонах Антоний (Монин) приступил к открытому служению в деревне Причалесня и других населенных пунктах Чечерского района, а священник Феодор Рафанович вышел из подполья и вступил в обязанности настоятеля Свято-Успенского храма местечка Городец Рогачевского района. В это же время иеромонах Феоктист (Ганжа) беспрепятственно начал совершение богослужений в храме села Речки Ветковского района. Кроме того, в селе Ямполь Речицкого района с 1941 г. совершал служение «непоминающий» иеромонах Полиевкт, а в д. Прудок Гомельского района «непоминающий» священник Максим Годубев. Весьма примечательно, что произошедший еще в кон. 1920-х гг. раскол «иосифлян» Гомельщины был преодолен лишь только в 1940-е гг. Осознавая крайнюю малочисленность идейных противников Московской Патриархии, иеромонах Феоктист (Ганжа) счел возможным восстановить богослужбное общение со священником Феодором Рафановичем, стоявшим на ригористических позициях отрицания спасительной значимости таинств и священнодействий, совершаемых последователями митрополита Сергия (Страгородского). Примечательным обстоятельством истории «правой» церковной оппозиции на Гомельщине является присоединение бывшего клирика Могилевской епархии иеромонаха Иоанна (Матвеевко) к движению «непоминающих» после ухода советской власти и начала немецкой оккупации. Обретя возможность заявить о своих антисоветских настроениях, он отказал в каноническом признании митрополиту Сергию (Страгородскому) и вступил в обязанности настоятеля Свято-Успенского храма д. Бобовичи Гомельского района²¹.

Уничтожение «иосифлянского» епископата, произошедшее во время репрессий 1930-х гг., практически обезглавило движение «непоминающих» на Гомельщине. Возвращаясь к приходскому служению в условиях оккупации, оставшиеся в живых «непоминающие» священнослужители не признавали каноничности Белорусской Православной Церкви, в 1942 г. провозгласившей свою автокефалию. Единственное исключение составил вернувшийся из заключения в 1936 г. «иосифлянский» диакон Антоний Прищепов. В 1942 г. он перешел в юрисдикцию Белорусской Православной Церкви, где принял иерейское рукоположение и назначение на служение в Свято-Троицкий храм села Кравцовка Гомельского района²².

После освобождения территории Беларуси от немецкой оккупации «непоминающие» священнослужители снова были вынуждены перейти на нелегальное положение. На протяжении последующих десятилетий в пределах Гомельской области продолжалась деятельность альтернативных православных групп, возводящих свое преемство к «иосифлянскому» движению. Перейдя в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, они были реорганизованы в епархию, для которой в 1990 г. был рукоположен «епископ Гомельский» Вениамин (Русаленко)²³. Однако история «непоминающих» общин на Гомельщине в 1940-2000-е гг. является темой отдельного исследования.

Завершая обзор истории «иосифлянского» движения на территории современной Гомельской области в 1928 – нач. 1941 гг., необходимо отметить, что названный регион Беларуси на протяжении длительного времени являлся достаточно крупным очагом «правой» церковной оппозиции. Малоизвестность этого факта в некоторой степени может быть объяснима отсутствием архиерейского возглавления местных «непоминающих» общин, что не позволило им достигнуть высокой степени консолида-

ии и выступить в качестве организованной силы в отстаивании своих канонических позиций. Произошедшее в 1990-е гг. переосмысление феномена «иосифлянства» побудило Русскую Православную Церковь Московского Патриархата причислить к лику святых некоторых представителей этого оппозиционного течения²⁴. Данное обстоятельство позволяет увидеть в движении «непоминающих» на Гомельщине не только печальный факт канонических разделений, но и малоизвестное явление белорусской церковной истории.

Примечания:

- ¹ Архив Управления Комитета Государственной Безопасности (УКГБ) по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). Т.1. Л. 20; Архив УКГБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). Т.3. Л. 80; Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф.161. Оп.1. Д.29. Л. 155; Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / Сост. М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская. — Санкт-Петербург: «Кифа», «Издательство Олега Абышко», 2006. — С. 17.
- ² Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). Т. 1. Л. 25-31 об.; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 1-9, 55 об., 72-74, 150, 175-178 об., 186 об., 216, 331-335, 346-346 об., 377 об., 412, 424, 433, 442-443.
- ³ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 35 об., 72 об.-73, 77-78, 81-82, 145-146, 164, 178 218, 269-270, 406, 412, 420-421, 430, 435.
- ⁴ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 47, 57 об., 68-68 об., 84, 128, 146-147, 428.
- ⁵ Чонский (Чонковский) Свято-Успенский монастырь был основан старообрядцами в 1775 г. и первоначально являлся мужской обителью. В 1795 г. (по другим данным в 1798) монастырь на правах единоверия присоединился к Православной Российской Церкви. В 1830 г. по причине сокращения насельников, принадлежащих к единоверию, Свято-Успенский монастырь перешел на новый обряд с присвоением статуса третьеклассного монастыря. В 1899 г. монастырь преобразован в женский. В дореволюционное время в обители имелась богатая библиотека, состоящая из древних книг и рукописей, переданных из многих упраздненных старообрядческих монастырей и скитов Гомельщины.
- ⁶ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т.2. — Л. 141-144 об., 180, 425-426.
- ⁷ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 35 об.-36, 49-50, 52-52 об., 54-54 об., 56-57, 62-66, 69 об., 94-95, 183, 192-197 об., 286-287, 412, 416-417, 434.
- ⁸ Архив Минского епархиального управления (МЕУ). Ф.1. Оп.2. Д.803. Л. 118.
- ⁹ Архив МЕУ. Ф.1. Оп.2. Д.803. Л. 118 об.
- ¹⁰ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 164 об, 186, 191-193 об., 269-270, 272, 414, 430-431.
- ¹¹ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 108, 149-150, 412; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). Т.1. Л. 20 об.; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т.2. — Л. 31; ГАГО. Ф.3441. Оп.1. Д.12. Л. 51 об.; Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 151-152.
- ¹² Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 13371-с.
- ¹³ Архив УКГБ РБ по Гомельской области.

Дело № 13195-с; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 18066-с; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 216, 350-351, 377 об., 400, 414, 423, 438, 443, 448-456.

¹⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. Материалы по истории Церкви. Кн. 24. — Москва: Изд. Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. — С. 229.

¹⁵ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 332; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т. 1. — Л. 20 об., 25-31 об.; Архив УКГБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т. 2. — Л. 31-31 об., 425-426, 431, 433; Архив УКГБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т. 4. — Л. 79-81, 109, 117.

¹⁶ Архив УКГБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т. 2. — Л., 382-382 об., 384, 386.

¹⁷ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). — Т.1. — Л. 135 а.; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 11699-с (12270-с). Т.2. Л. 141-144 об., 180, 425-426, 436, 449, 520-546, 553; Архив УКГБ РБ по Гомельской

области. Дело № 13371-с.; Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 12351-с. Л. 6 об., 10-11, 13-18.

¹⁸ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 13371-с.

¹⁹ Архив МКУ. Ф.1. Оп.2. Д. 803. Л. 118 об.; ГАГО. Ф.3441. Оп.1. Д.2. Л. 35; ГАГО. Ф.3441. Оп.3. Д.5. Л.14.

²⁰ Архив УКГБ РБ по Гомельской области. Дело № 15454-с. Л. 66 об.

²¹ Архив МКУ. Ф.1. Оп.2. Д.803. Л. 72 об., 110, 118 об.; ГАГО. Ф.3441. Оп.1. Д.1. Л. 28; ГАГО. Ф.3441. Оп.1. Д.12. Л. 51, 112.

²² ГАГО. Ф. 3441. Оп. 1. Ед. 7. Л. 4.

²³ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. 1927-2007 гг. / Под ред. Шумило В. В., Шумило С. В. — Чернигов: ЧГИЭиУ, Киев-Чернигов: Православное изд-во «Вера и жизнь», 2008. — С. 27.

²⁴ См. об этом: Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. Историко-канонические критерии в вопросе канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века // Журнал Московской Патриархии. — 1996. — № 2. — С. 53-59.